

НАЧАЛО

Посвящается моей любимой жене Людмиле, чья настойчивость заставила меня дописать книгу, а уверенность в моих способностях — представить произведение на суд читателей.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «*В Вихре Времен*» и «*Самиздат*», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: *Акимова Сергея Викторовича, Борисова Юрия Дмитриевича (он же Старицкий Дмитрий), Зуркова Дмитрия Аркадьевича, Евдокимова Сергея, Ковшик Павла Ивановича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Мешалкина Леонида Васильевича, Орлова Александра Сергеевича, Перунова Антона Юрьевича, Спесивцева Анатолия Федоровича, Черепнева Игоря Аркадьевича, Шарипова Евгения.*

Граница родила казачество, а казачество
создало Россию.

Л. Н. Толстой

Пролог

Хунхузы появились минут через десять после того, как мы залегли в окопах. Долго, однако, собирались. К броду они подскакали плотной толпой и в таком же беспорядке стали спускаться к ручью. На том берегу осталось трое бандитов, один из которых стал что-то кричать и размахивать плеткой.

Это мой клиент, подумал я, беря его на прицел. Начальников, которые могут привести эту толпу в порядок и к дисциплине, нам не надо. Дождавшись залпа фланговых групп засады, перед которыми хунхузы были как на блюдечке, я мягко потянул спуск. Выстрел, и нового командира вынесло из седла с разбитой головой. Перезарядка. И вижу, что для меня целей больше нет. Оставшихся двух разбойников на том берегу сняли Лис и Леший, а из седловины ни на наш берег, ни назад никто выбираться не хочет. Фланговые группы продолжают вести одиночный огонь, но для нас целей нет. Низ седловины, где скопились хунхузы, мы не простреливаем. Ждем. Еще несколько выстрелов — и тишина. Сигнал Шаха криком-писком енотовидной собаки: «Все закончено!»

Я встал из окопа и добил патроном магазин винтовки. Прикрепил к винтовке штык-тесак, прикупленный еще во время зимней поездки в Благовещенск. Дослал девятый патрон в ствол. Предстояла зачистка поля боя. Грязная, но если хочешь выжить, необходимая процедура на войне. «Не выстрелит в спину только мертвый». Данному постулату боевых действий очень быстро обучались молодые бойцы-интернационалисты в Афганистане. Оставил за спиной живого духа, а иногда обычного бача (мальчика) — стал трупом. А какой лучший способ узнать, мертв или жив противник? Правильно, лучшее доказательство

смерти противника — твоя пуля, пробившая его череп, либо штык в сердце.

Сейчас и буду учить казачат очень грязной, но необходимой работе на войне. Патронов мало, и они дорогие, а штык, как говорил Суворов, молодец. Тем более и шашки остались притороченными к седлам лошадей, в окопах с ними лежать и воевать неудобно.

Я вышел на край спуска-подъема к броду с нашей стороны и удовлетворенно вздохнул про себя. Получилось. Внизу мешанина из человеческих тел и нескольких лошадиных трупов. Вода в ручье и белый песок по его берегам окрасились кровью. Некоторые лошади стояли, опустив к земле голову, некоторые стали разбредаться вверх и вниз по ручью. Все хунхузы были мертвы или выглядели таковыми. Как говорится: «Это им за наших. Ибо нехер».

— Вот это мы их навалили! — раздался за моей спиной удивленный возглас Ромки. — Неужели все?

— Нет, Лис, не все. В лагере человека три, максимум шесть осталось, — прикидывая про себя количество трупов, ответил я и перехватил винтовку со штыком, чтобы было удобно колоть вниз. — Сейчас здесь зачистку проведем и будем думать, что делать дальше.

— Что проведем, Ермак? — переспросил подошедший Вовка Лесков.

— Зачистку, Леший. Я сейчас спускаюсь вниз и буду ударом штыка проверять, мертвец лежит, или кто из хунхузов притворился мертвым. Запомните на всю свою жизнь: только мертвый не выстрелит и не ударит в спину. Будете об этом помнить, проживете дольше. А пока идете за мной сзади и прикрываете меня.

Показав знаками Шаху и Туру, которые поднялись из окопов и доложили, что все целы, смотреть за дорогой, как и обговаривали при планировании засады, я с Лисом и Лешим за спиной стал спускаться к броду через ручей. Так, первый красавец лежит, глаза остекленевшие, неподвижно смотря в небо. Контроль есть контроль. Удар штыком в область сердца. Мерзкий хруст входящего в тело лезвия, и я с трудом выдергиваю винтовку с примкнутым штыком из теперь уж точно мертвого хунхуза. Обходим лошадь, которая стоит, опустив голову вниз, и перебирает мундштуки языком и губами.

Следующий. Этот лежит лицом вниз. Когда до бандита осталось дойти пару шагов, тот неожиданно вскочил с земли и ударом двуручной сабли, которая лежала под ним, снизу вверх попытался располосовать меня от паха до шеи. Я на рефлексах отпрыгнул назад, выставив перед собой винтовку, но, завязнув в песке, стал падать на пятую точку и от неожиданности нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, и хунхуз с третьим глазом во лбу и снесенным затылком упал на спину, не выпустив саблю из своих рук.

Я, приземлившись на пятую точку и чуть не выбив себе зубы затвором винтовки, оглянулся назад. Лис и Леший явно растерялись, что, собственно, вообще неудивительно. Для того чтобы мгновенно реагировать на внезапно возникшую угрозу, опыт нужен, и опыт немалый. Первым очнулся Леший, сделав несколько шагов в мою сторону.

— Ермак, ты цел? — каким-то сиплым шепотом обратился ко мне Вовка.

Собравшись с силами, киваю и, благодарно уцепившись за протянутую им руку, встаю. Ноги ватные, мышцы всего тела ощутимо потряхивает от переизбытка адреналина. Винтовка в руках ходит ходуном. Из разбитой затвором верхней губы кровь попадает мне в рот, и ее соленый вкус приводит меня в себя.

— Вот это, господа казаки, и называется зачистка, — сообщил я Лису и Лешему и энергично замахал рукой, показывая остальным казачатам, которые, выскочив из окопов, собирались нестись в нашу сторону, чтобы они оставались на месте и продолжали наблюдение за дорогой.

— Ермак, а как ты успел среагировать? — спросил меня Ромка, облизывая свои пересохшие губы.

— Был готов к тому, что кто-то из хунхузов притворится мертвым и может напасть, — начал я глубокомысленным тоном, чувствуя, как меня продолжает трясти. — А если честно, то просто повезло, успел нажать на спуск. А перед вами очередное подтверждение неоспоримого правила, которое доводил до вас на тренировках: «Лучший прием рукопашного боя — выстрел в голову».

— Да-а-а уж-ж-ж! — очень похоже на Папанова из кинофильма «Двенадцать стульев» произнес Леший.

— Ага, — философски подтвердил Лис.

— Продолжаем зачистку!

И я двинулся вперед.

Глава 1

ЕРМАКОВСКАЯ ПАДЬ

Если посмотреть сверху, с высоты птичьего полета, то непроходимые леса с запада и севера ограждают неглубокую зеленую падь, тянущую с запада на восток, а с юга синее великий Амур, за которым возвышаются маньчжурские горы Ильхурн-Алинь. В пади между редкими лиственницами и березами встречаются островки кустов лимонника и стланиковой кедровой сосны. В особенности поражает вид огромной по сравнению с другими деревьями единственной ели, из-за которой выбегает дорога к берегу Амура и идет дальше к станице Черняева.

Если же по этой дороге зайти за ель и по тропе пройти через распадок между двух холмов, то упруешься в тесные ворота и часток кол хутора Ермаковского, на котором когда-то проживала большая семья Алениных.

На большом дворе, огражденном бревенчатым тыном, стоит дом-пятистенок, смотрящий квадратными окнами в белых наличниках на полдень. К дому пристроен большой амбар, крытый двор, рядом высится овин, дальше летний загон для лошадей и конюшня. У окон дома разбит небольшой садик, в котором две вечнозеленые елки, игластая недотрога-боярка, воткнутые в квадратную гряду колья в хрупких колечках прошлогоднего хмеля. Только не видно на дворе ни коней, ни коров, ни иной живности, даже кур не видно, и овин стоит пустым. И будто бы на двор опустились тоска и безысходность.

На лавке рядом с крыльцом сидит крепкий кряжистый старик, упершись подбородком в костыль, зажатый между ног. Небольшой ветерок развеивает седую бороду и седые волосы под облезлым козырьком старой фуражки. На изрезанном морщинами загорелом лице застыло отрешенное выражение, и только

блестящие черные глаза выдают внутреннее напряжение старого казака Амурского казачьего войска — Аленина Афанасия Васильевича.

Знаменит казачий род Алениных, ведущий свое происхождение от алан и аорсов. Один Василий Тимофеевич Аленин-Ермак чего стоил. Ермак, или «Ырмаг», то есть «бьющий стремительный источник», «прорыв» или «неудержимый» — такое прозвище Василий Аленин получил за свою неудержимость в бою. Если бы он родился в Скандинавии, его бы точно признали берсерком.

Сильный был атаман. За услуги при взятии Казани, оказанные еще молодым Ермаком во главе отряда донских казаков в казачьем войске под общим командованием атамана Сусара Федорова, царь Иоанн Грозный пожаловал донскому казачеству навеки весь Тихий Дон со всеми его реками и притоками. Данная грамота до конца XVII века хранилась в соборе города Черкаска и была отобрана Петром Великим во время его похода под Азов.

А прозвище «Ермак» настолько прилипло к атаману, что в синодике Тобольской соборной церкви для поминовения казаков, погибших при завоевании Сибири, по повелению первого архиепископа Киприана был Василий Тимофеевич Аленин записан как Ермак сын Тимофеев.

Ермак — неудержимый, эта неудержимость и не позволила атаману отступить во время боя на ночевке в устье реки Вагай, когда Кучум напал на спящих казаков и истребил почти весь их отряд. Тогда Ермак, прикрывая своих побратимов-казаков, один бился против двух десятков врагов, многих их убил, но был сражен ударом копья в горло татарским батыром Кутугаем.

Посмотреть на тело мертвого атамана съехалось много знатных мурз, а также сам Кучум. Татары несколько дней стреляли в тело из луков и пировали, но, по словам очевидцев, тело Ермака пролежало на воздухе месяц и даже не начало разлагаться.

После смерти атамана его есаул Матвей Мещеряк собрал казачий круг, на котором казаки решили идти из Сибири к Волге обратно. С ними ушла первая и единственная походная жена-наложница Ермака, прекрасная Айгуль с сыном Тимофеем. Целомудрен был атаман и того же требовал от казаков в военном походе, но не устоял перед красотой и ласковостью захваченной в бою девушки. А после рождения сына признал ее своей женой.

Вернувшись на Волгу, казаки под предводительством Мещеряка поняли, что прежней вольницы не будет из-за построенной там крепости-поселения Самара, для недопущения разбоя на Волге вольными казаками, и решили уйти на восток. Хорошее место было на реке Яик рядом с устьем реки Илек, там и хотели устроиться казаки.

Но в октябре 1586 года на Яике прочитали царскую грамоту, в которой говорилось о том, что казакам обещано прощение всех проступков и они должны были вступить в отряд крымского царевича Мурат-Гирея, принявшего русскую сторону. Пункт сбора был в Астрахани, чтобы потом пойти оттуда войной на крымских татар, делавших набеги.

Атаман Матвей Мещеряк и еще сотня вольных казаков поддерживали эту грамоту и пошли сначала в Самару. Потом отряд казаков вышел из Самары в Астрахань, где было известно об их прибытии, но в пути атамана Матвея Мещеряка и четверых товарищей-есаулов снова отозвали в Самару, где их арестовали. В марте 1587 года в Самаре, на главной городской площади, был повешен атаман Матвей Мещеряк и его товарищи. Остальные казаки, узнав об этом, решили вернуться на Дон. Так, Айгуль и сын Ермака Тимофей оказались на родине отца и мужа в одной из станиц рядом с Раздорским казачьим городком.

Не обидели казаки жену и сына своего атамана. Построили им дом в станице, прикупили живности, выделили добра из привезенного дувана. Так и пошла донская Аленинская ветвь от князя Сибирского Ермака Тимофеевича.

В 1824 году родился казак Аленин Афанасий сын Васильев — прапрапраправнук знаменитого атамана. Храбрый был казак. В 1849 году в составе 23-го Хрещатицкого донского казачьего полка в армии под командованием фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича — отпрыска Пасько, старшины в армии гетмана Богдана Хмельницкого — воевал Афанасий с народной армией венгров. За ту кампанию был награжден медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании», серебряной медалью «За храбрость» на георгиевской ленте и австрийской золотой медалью с изображением Франца Иосифа и надписью *Der Tapferkeit* («За храбрость»).

Не любил эти награды Афанасий, не считал их заслуженными. Будучи старшим казачьего разезда, задержал адъютанта главнокомандующего войсками венгерской народной армии

генерала Гергея. Данный генерал еще до вступления русской армии в Венгрию умышленно сорвал наступление венгров на Вену, а потом, после нескольких столкновений с русскими войсками, решил вступить в тайные переговоры с фельдмаршалом Паскевичем, для чего и отправил своего адъютанта на поиски русских войск.

На равнине, между местечком Заране и деревней Селлеш, венгерская народная армия по приказу Гергея потом сложила оружие. Гергей был «взят в плен» и там еще корчил из себя патриота. Но вскоре Паскевич передал его австрийскому императору Францу Иосифу, который за услуги правительству назначил ему пожизненную пенсию.

Не знал ничего об этом казак Афанасий Аленин, но душой чувствовал, что не по заслугам награды. Сначала австрийскую золотую висюльку вручили, а потом и нашу серебряную «За храбрость» пожаловали за тот случай, сказав, что за выдающуюся храбрость. А в чем храбрость, если этот венгр адъютант к ним как к родным кинулся: вот он я — берите меня в плен! Хотя когда он вернулся в родную станицу, то приятно было, когда станичники обсуждали его награды. Ни у кого больше в близлежащих станицах Войска Донского не было золотой австрийской награды.

А вот два Георгиевских креста, полученных за Крымскую войну, Афанасий любил. Первый крест, еще до мартовского царского указа от 1856 года, когда он был разделен на четыре степени, урядник Афанасий Аленин получил за Чингильские высоты. Тогда донцы 23-го Хрещатицкого в составе Эриванского отряда барона Врангеля разгромили пятикратно превосходящего их противника. Страшная рубка была. Сотника и двух хорунжих турки убили в первые минуты боя, и старший урядник Аленин, взяв командование на себя, повел сотню на врага. Захватили два орудия и четыре знамени турок. При этом Афанасий лично на шашку взял трех знаменосцев и прислугу одного орудия.

Позже, в период наступления на Карс, донцы вновь отличились в сражении при Кюрюк-Даре, в ходе которого турки были полностью разбиты, захвачено 15 орудий, 26 знамен и 2 тысячи пленных. Прославился в том бою и Афанасий, только и ранение получил тяжелое в голову. Как доставили его в родную станицу, и не помнил. Выходила любимая жена. А через полтора года

вручили старшему уряднику Афанасию Аленину догнавший его Георгиевский крест 3-й степени за Кюрюк-Дара.

Казалось бы, живи и радуйся. Заслуженный георгиевский кавалер, красавица жена, трое сыновей-крепышей. Но не мог Афанасий пройти мимо неправды, потому-то и не любило его войсковое начальство за правду-матку, что говорил им в глаза Аленин на казачьем круге. Не любили и богатые казаки родной станицы, которым Афанасий Васильевич постоянно говорил, что не дело наживаться на своих братьях-казаках, попавших в нужду. Поэтому, когда в 1857 году Афанасий Аленин был избран одним из уполномоченных на станичный круг для выборов нового атамана, богатые казаки потребовали созвать внеочередную сходку и добились на ней, чтобы Афанасия заменили другим человеком.

Это был жестокий удар, нанесенный самолюбию Афанасия Васильевича. Как оплеванный ушел он со станичной сходки, на которой принадлежали ему раньше лучшее место и первый голос. С тех пор не переступала его нога порога сборной избы. Даже на соседской завалинке, где собирались по праздникам казаки, не видели его целое лето.

А по осени, продав дом и скотину, выехала семья Алениных из родной станицы в далекое Забайкалье. Почти полгода добирались они до Читы, где должен был записаться Афанасий в 1-й русский полк Сибирского линейного казачьего войска. Но в Чите Аленин узнал о том, что формируется Амурское казачество для защиты границы с Китаем. А желающим служить на границе дают землицы много да подъемные хорошие. И присоединилась весной 1858 года семья Алениных к десяти, имеющим донские корни, семьям забайкальских казаков, которым поручено было основать на реке Амур станицу Черняева, названную так в честь первого командира Амурской казачьей бригады — генерал-майора Георгия Федоровича Черняева, который был на момент командования бригадой войсковым старшиной.

В числе основателей станицы Черняева были семьи: Савиных, Шохиревых, Гусевских, Эповых, Луниных, Раздобреевых, Чупровых, Башуровых, Ананьевых, Чуевых, всего вместе с Алениными 43 взрослых человека. Семьи переселенцев долго готовились к отплытию: разбирали дома, стайки, зимовья. Бревна возили на берег, из них сколачивали плоты. На плотках настраивали навесы для защиты от непогоды, делали ящики для зерна,

грузили скот, домашний скарб. Старались ничего не забыть — едут-то на голое место. Много сил и времени отнял сам сплав по реке. В указанном месте (две версты ниже теперешней станицы Черняева) плоты причалили к берегу. Чиновник, прибывший вместе с казаками, приказал на берегу Амура врыть столб и на него прибить дощечку с надписью «Станица Черняева». Дома сразу собирать не стали. Жилье решили устроить прямо в яру: вырыть яму и оборудовать ее в виде землянки. Противился этому только Афанасий Аленин, говоря, что затопит землянку в весенний паводок, напрасно труд казаков пропадет.

Не послушал назначенный атаман Черняевской станицы зауряд-хорунжий Савва Эпов предложений Аленина, и сделали забайкальские казаки по-своему. Землянка вместила все их десять семей, а Аленины ушли версты на три в сторону по Амуру и версты на две от реки, облюбовав для строительства жилья красивую зеленую падь с небольшим озером, которую из-за большого количества волков назвали Волчьей.

По весне жилища черняевских переселенцев затопил речной паводок, и вынуждены они были также перебраться по берегу Амура повыше, основав станицу Черняева верстах в двух от хутора Алениных. Не смог переступить через себя атаман Эпов, признав правоту казака Аленина. Из-за этого и стоял хутор Алениных наособицу от станицы, будто на выселках.

Но не горевал от этого Афанасий Васильевич. За два года построили Аленины дом большой с пристроями, обзавелись скотиной, распахали большой участок земли, вывели в пади всех волков. И все чаще стали падь называть не Волчьей, а Зеленой. А постепенно другое название пошло — Ермаковская падь (это когда станичники узнали, от кого Аленины род свой ведут).

А в окружном и станичном сходе очень скоро занял Афанасий Васильевич почетное место, как георгиевский кавалер и опытный казак. Ни одни ежегодные выборы окружного атамана не обходились без его веского слова. И самого Аленина не один раз хотели выбрать окружным атаманом, только отказывался Афанасий Васильевич от такой чести. Не хотелось ему из своей пади в станицу перебираться. А что за атаман, который живет вне станицы.

Прекрасное время было. В трудах и заботах годы текли незаметно. Росла станица, все больше славился своим достатком Аленинский хутор. Не успели оглянуться, как стали три сына